

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И НРАВСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРЯ В.И.ДАЛЯ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Ирина Шаповалова
(Луганск, Украина)

В статье рассматриваются возможности использования «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля для интерпретации поэтических текстов Беллы Ахмадулиной для выявления их лингвистического и нравственно-эстетического потенциала.

Ключевые слова: поэтический текст, словарная статья, комментирование, интерпретация, компоненты значения.

Я старый глагол в современной обложке.

Белла Ахмадулина

Мир поэзии Беллы Ахмадулиной – удивительно глубокий, весь наполненный музыкой и ощущениями. Исследователи творчества одного из самых талантливых поэтов последней четверти XX века, по меткому замечанию И. Бродского, «сокровища русской поэзии» отмечают прежде всего ее удивительную чуткость к Слову, его многогранности и многослойности. Ее поэзия – «словесный рай»: «По молитвеннику – словесный рай есть обитель не словес, не словесности, но духа, духовный рай. Искомая, совершенная и счастливая, неразъятость того и другого – это ведь Слово и есть» [1, с. 556]. По словам поэта Марины Кудимовой, «актуальность ее – в ее консервативности. Белла работала с языком, а не с публикой. Никогда не потрафляла никаким „дискурсам“, кроме данного Богом» [Цит. по: 3]:

Влечет меня старинный слог.

Есть обаянье в древней речи.

Она бывает наших слов

И современнее и резче [1, с. 9].

Своеобразным «путеводителем» по «древней речи» можно рассматривать «Словарь живаго великорускаго языка» В. И. Даля, так как «дает возможность постичь не только тонкости языка времени его составителя, но и тайны поэтического слова» [5, с. 129].

Цель статьи – раскрыть возможности использования Словаря В. И. Даля для интерпретации поэтических текстов Беллы Ахмадулиной, выявив их лингвистический и нравственно-эстетический потенциал. (В нашем исследовании представляется оправданным воспользоваться идеями, высказанными в 1988 г. на IV Далевских чтениях (г. Луганск) Л. Н. Синельниковой [См.: там же, с. 128–130].)

Особенности поэтики и понимания слова Беллой Ахмадулиной («*Лишь слову жизнь дана...*»), тяготеющей к традиции, ее интерес и внимание к слову как носителю и хранителю прежде всего духовной и культурной памяти близки идеям В. И. Даля, нашедшим свое воплощение в знаменитом Словаре.

Не вызывает сомнений, что именно поэзии дано «оживлять» ушедшие значения, «вытягивая» из подсознания *память слова*. Словарь В. И. Даля помогает в этом, так как дает, в отличие от современных словарей, толкование слова в более полном объеме, что и позволяет читателю актуализировать те значения, которые ушли из активного словоупотребления.

Постижение глубинных смыслов при помощи Далевского словаря на примере даже одного стихотворения, как представляется, может служить тому ярким подтверждением. Для исследования было выбрано стихотворение «Есть тайна у меня от чудного цветенья...», созданного 22 мая 1981 г. в Тарусе.

Как замечает М. Н. Эпштейн в книге «Природа, мир, тайник вселенной...», для Б. Ахмадулиной значима «тема взаимопроникновения слова и природы» [7, с. 272]: поэтическое слово сравнивается, например, с соцветием, а цветник – со словарем: *Уже не знаю я: где слово, где соцветье? Но весь цветник земной – не гуще, чем словарь*; традиционный образ *буквицы* (*азбуки, букваря*) неожиданно для современного читателя дополняется образом цветка-первоцвета:

Отраден *первоцвет* для зренья и для слуха.

– Эй, *ключики!* – скажи – он будет тут как тут.

Не взыщет, коль дразнить: *баранчики!* желтуха!

А грамотеи – чтут и *буквицей* зовут.

И появление этого «дополнения» неслучайно, о чем мы узнаем у Даля из словарной статьи, посвященной буквице: «**Буквица** стар. азбука, букварь; нынѣ же такъ называют старинныя славянскія письмена, для отлычїя отъ *глаголитскихъ, глаголицы,* и отъ другихъ, новѣйшихъ... || *Буквица бялая* также раст. *grimula*, божьи-ручки, куритина, кудель, ключики, баранчики, скороспѣлочка, гасникъ, гарлуца» (подчеркнуто мной. – *И. Ш.*) [2, т. 1, с. 139]. (Из определения примулы, предлагаемого современным словарем, в данном случае исключены оттенки смысла, формирующиеся на включении в словарную статью народных названий: примула – «небольшое декоративное и дикорастущее травянистое растение сем. первоцветных с трубчатыми цветками, первоцвет» [4, с. 585].)

В данном контексте Словарь Даля можно рассматривать как *ключик золотой*, при помощи которого возможно открывать скрытые, глубокие смыслы текста:

Ах, *буквица* моя, все твой *букварь* читаю.
Как *азбука* проста, которой невдомек,
что даже от тебя я охраняю тайну,
твой *ключик золотой* ее не отомкнет.

Тема единства природы и словесности получает свое развитие на протяжении всего лирического текста: в нем выстраиваются два тематических параллельных ряда, в основе которых лежит сопоставление цветов и сада, с одной стороны, и слов и речи, с другой. В художественной картине мира поэта мир слов и мир растений объединяются, обогащая и дополняя друг друга.

Обращение к Словарю Даля позволяет обогатить толкование и понимание данного текста, что значительно расширяет восприятие содержания и смысла произведения. Особенно это касается образного ряда, тематически тесно связанного со словом: *слово, язык, речь; грамота, правописание, грамотец, тетрадь, диктант; азбука, буквица, букварь, словарь; строка, стих.*

Подтвердим это примерами. Так, **слово**, в современном толковании, это, во-первых, «единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок...», во-вторых, «речь, способность говорить», в-третьих, «разговор, беседа, что-н. сказанное», далее – «публичное

выступление, речь в собрании», «речь на какую-н. тему, повествование, рассказ» (с пометой *устаревшее* и *высокое*), «право, позволение говорить публично», «мнение, вывод», «то же, что обещание» [4. с. 720]. В приведенном ряду значений на первом месте - то, что относится к грамматическим характеристикам данного понятия.

У Даля, несмотря на частичное совпадение некоторых значений, можно наблюдать и несколько иную их последовательность, и более широкое и объемное толкование, где на первое место выходит не лингвистический, а нравственно-культурный компонент. **Слово** - это «исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; даръ говорить, сообщать разумно сочетаемыми звуками; словесная речь... || Сочетанье звуков, составляющее одно целое, которое, по себе, означает предмет или понятие; реченье... || Разговоръ, беседа; || речь, проповедь, сказаніе... || *Слово* или *Слово Божье*, Св. писаніе, Ветхій и Новый Завет... || *Слово* въ Евангл. нпр. *Въ началѣ было Слово* нпр. толкуется: Сын Божій; истина; премудрость и сила. *И Слово плоть бысть*, истина воплотилась; она же и *свѣтъ*. || *Слово*, обѣтъ, обѣщанье, скрѣпленье истины, ручательство... || Слово, словцо, заговоръ, чара, заклинанье... || Буква, письменный знакъ» [2, т. 4, с. 221–222].

Как представляется, можно отметить еще одну особенность представленности дефиниций в Словаре: толкование близких по значению слов логически можно выстроить в своеобразную систему, в которой они получают свое осмысление как бы взаимодополняя друг друга и помогая рассматривать каждое из них как живое и многогранное явление во множестве существующих и возможных связей и зависимостях.

Так, в толкованиях понятий **языка** (в данном случае его значений, которые выводятся из понимания его как «орудія речи» [2, т. 4, с. 674]) и **речи** акцент делается на том, что они являются отличительным свойством человека, в котором он имеет возможность явить себя и свой внутренний мир миру внешнему: «*язык*, словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика; совокупность всех слов народа и верное их сочетанье, для передачи мыслей своих... || Способность или возможность говорить... || Слова, а болѣе постановка и связь ихъ,

образъ, способъ выраженья, свойственный кому лично... || Строй, слогъ и самый выборъ словъ, при различном их образованіи, глядя по предмету, о коемъ говоришь, и по принятому обычаю...» [Там же] и «что либо выраженное словами, устно или на письмѣ; предложенье, связные слова, въ коихъ есть извѣстный смысл... || Говоръ, наречіе, способъ выраженья и произношенья... || Слово, проповѣдь, устное обращенье къ слушателямъ, наставленье, поученье, разсужденье, изложенье, объясненье чего, по случаю» [Там же, с. 94].

Данные в Словаре Даля определения этого комплекса понятий *слово – язык – речь* можно рассматривать как отражение мысли Б. Ахмадулиной о сути, значении и роли языка в жизни любого народа: ***Коль вытоптан язык – и вам не устоять***, когда язык отождествляется с самим народом: язык – это «народ, земля, съ одноплеменнымъ населеньемъ своимъ, съ одинаковою речью» [Там же, с. 674]. При этом при создании этого образа использован глагол, традиционно соотносимый с действием, направленном на уничтожение растений: травы, цветов. Это же можно сказать и о других примерах объединения в одном образе слов из выделенных выше тематических рядов: *воздѣлывать тетрадь; так близко и внезапно / прозрел ее цветок в конце моей строки; Стих падает пчелой на стебли и на ветви, / чтобы цветочный мед названий целовать*.

На примере словосочетания «*уладъ правописанья*» также при помощи толкований, предлагаемых Далем, можно обнаружить нарушение традиционных ассоциаций, вызываемых словом «правописание»: в современном словаре рассматриваемом только как «то же, что орфография» [4, с. 567]. У Даля это понятие входит в словарную статью, посвященную слову «правый», т. е. «прямой... || истинный, истый... || чистый, непорочный...» [2, т. 3, с. 377], и означает, отчасти совпадая и с современным трактованием, «***правопись***, грамматика, наука правильно говорить и писать; || иногда въ част. значн. то же, что ***правописанье***, отдѣлъ грамматики, орѣография, и примѣненье правилъ къ дѣлу, принятый кѣмъ образъ писанья» (подчеркнуто мной. – *И. Ш.*) [Там же, с. 380]: на первом месте умение говорить и писать правильно, т. е., если брать как отправную точку формирующегося значения определения, даваемые слову «правый», – истинно, прямо, чисто, что можно воспринимать как

желаемые характеристики речи человека. Входящее в это словосочетание второе слово «услад» помогает преодолеть сформированную чаще всего отрицательную коннотацию понятия «правописание», связанное чаще всего только со значением, отраженным в современном толковом словаре: скучное и неинтересное занятие, связанное с изучением одного из разделов языка. *Услад*, рассматриваемое сейчас как устаревшее, в современном языке будет заменено словом «наслаждение» (в значении «высшая степень наслаждения» [4, с. 385]), но теряя при этом «аромат старины». У В. И. Даля: «УСЛАДЖАТЬ, *усладить*, дѣлать пріятнымъ, тѣшить, доставлять удовольствіе. . . Услажденье. . . улада. . . дѣйствіе или состоянье, чувство по знч. гл., наслажденье, утѣха, радостное чувство, удовольствіе» [2, т. 4, с. 512], т. е. позволяет почувствовать оттенки этого действия, чувства и состояния. Присоединенное к слову «правописание» оно формирует новую коннотацию, новый взгляд на умение «правильно говорить и писать», которое, по Ахмадулиной, должно приносить «наслажденье, утѣху, радостное чувство, удовольствіе», а не быть рутинным, скучным занятием.

В стихотворении «Есть тайна у меня от чудного цветенья. . .», помимо отмеченных (в данном случае лексических), далеко не полных, «примет» интереса к *старинной речи*, хотелось бы отметить еще одну – стремление к ее графическому оформлению:

*Есть тайна у меня от чудного цветенья,
здесь было б: чудНАГО – уместней написать.
Не зная новостей, на стары́й лад желтея,
цвѣток себе всегда выпрашивает «ять».*

«Ять» и другие исключенные из современного использования буквы (фита, ер, ерь, ижица и т. д.) воспринимаются современным сознанием как устойчивый сигнал старины, старинного текста, старинной речи. На это же «работает» и графическое оформление написания (и произношения), характерного для XIX в. и активно встречающегося у Даля, слова *чудНАГО*.

Сама Ахмадулина об этом своем устойчивом интересе говорит как о «любезных... затягивающих заболотях „ерь” и „ять”» [1, с. 563], и это имеет свое продолжение в дневнике «Нечаяние» (дополненное и использованием «старинного» варианта шрифта в

некоторых частях текста), где возникает и личность самого Даля, и его Словарь:

*Сему и онымъ дням
привѣтственную дань
вновь посылает длань.
Прости, любимый Даль.
Для ласки не совравъ
надбровію тавра
отвѣтствовала Словарь:
– Я не люблю тебя.
Нелестнень **Ф**иміамъ
Невѣрнаго **Ф**омы.
Аз по грѣхамъ воздамъ:
не тронь моей «**Ф**иты».
Измучиь «ять» и «ерь»
разгульною рукой,
ты «ижицы» моей
тревожишь «упакой» [Там же, с. 563–564].*

Один из наиболее часто встречающихся приемов в творчестве Беллы Ахмадулиной – переосмысление категории одушевленности / неодушевленности – отражает особенности ее мировосприятия и миропонимания: для поэта практически нет неодушевленных явлений и предметов в этом мире! Создается ощущение, что ее душа способна «одушевить» все, с чем она соприкасается. Поэтому совершенно естественно воспринимается ее умение передать через видимое – слово – невидимое – дух каждого явления и предмета, его суть, оДУХотворить даже то, что традиционно соотносится с категорией неодушевленности. А Словарь В. И. Даля может стать проводником в этот мир духа. И поэтический словарь Ахмадулиной, и Словарь Даля можно рассматривать как «живых людей»: акцент и там и там сделан прежде всего на духовность в мировосприятии и миропонимании, ибо «...нерасторжимы словесность и совесть» («Ночь перед выступлением»).

Как отмечает Л. Н. Синельникова, «само время превратило Словарь В. И. Даля в пособие по интерпретации лирического сюжета: многие слова, включенные в этот Словарь, устарели, перестали быть актуальными для наших современников и перешли в число

„высоких”. „Высокое” же куда больше подходит для ценностных характеристик „иног” мира, оно, в отличие от разговорного, низкого, не заземлено конкретно-ситуативным употреблением» [6, с. 183].

Однако таково свойство личности Беллы Ахмадулиной и ее миропонимания, что даже воспринимаемые на первый взгляд как «конкретно-ситуативные употребления» слов, в пространстве ее текстов, наполняются иным смыслом, переходят в разряд «высоких» или воспринимаются читателем как таковые. Особенности ее идиостиля позволяют использовать и актуализировать те лингвистические и нравственно-эстетические компоненты значения, которые зачастую отсутствуют в современных словарях, но практически всегда содержатся в словарных статьях «Толкового словаря великорусского живого языка» В. И. Даля.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахмадулина Б. А.** Нечаяние / Б. А. Ахмадулина. – М. : Олимп : Астрель, 2011. – 608 с.

2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : ТЕРРА, 1995. – Т. 1 : А – З. – 800 с. ; Т. 2 : И – О. – 784 с. ; Т. 3 : П. – 560 с. ; Т. 4 : Р – в. – 688 с.

3. **Кульба А.** Код Ахмадулиной [Электронный ресурс] / А. Кульба. – Режим доступа :

<http://www.nsad.ru/index.php?issue=9999§ion=10000&article=1539&print=1> ; http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2011/7/27/kod_ahmadulinoj/

4. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АЗЪ, 1995. – 928 с.

5. **Синельникова Л. Н.** Словарь В. И. Даля как источник для лингвистического комментирования современного поэтического текста / Л. Н. Синельникова // Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни / Л. Н. Синельникова. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1 : Лингвистическая поэтика. – С. 128 – 130.

6. **Синельникова Л. Н.** Философия и поэтика Словаря В. И. Даля (в связи со свойствами лирического сюжета и идиостиля Б. Ахмадулиной) текста / Л. Н. Синельникова // Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст

жизни / Л. Н. Синельникова. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 1 : Лингвистическая поэтика. – С. 182–185.

7. **Эпштейн М. Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии : науч.-попул. / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. шк., 1990. – 303 с.

LINGUISTIC, MORAL AND AESTHETIC POTENTIAL OF V. I. DAL'S DICTIONARY FOR THE INTERPRETATION OF THE POETIC TEXT

Irina Shapovalova
(Lugansk, Ukraine)

In the article are considered possibility of the use «Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language» of V. I. Dal for interpreting poetical text of Bella Ahmadulina for revealing their linguistical and morally-aesthetic potential.

Keywords: poetical text, dictionary entry, commentary, interpretation, components of significance.